

Ильченко Н. М. «Влюбленный дьявол» Ж. Казота и «Стихийный дух» Э. Т. А. Гофмана : символическая и психологическая трактовка мотива искушения / Н. М. Ильченко, Ю. А. Маринина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 298—312. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-298-312.

Ichenko, N. M., Marinina, Yu. A. (2023). “Devil in Love” by J. Cazotte and “Elemental Spirit” by E. T. A. Hoffmann: Symbolic and Psychological Interpretation of Motive of Temptation. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 298-312. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-298-312. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-298-312

**«Влюбленный дьявол»
Ж. Казота и «Стихийный
дух» Э. Т. А. Гофмана:
символическая
и психологическая
трактовка мотива
искушения**

Ильченко Наталья Михайловна

orcid.org/0000-0003-2541-5061
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской
и зарубежной филологии
ilchenko_nm@mininuniver.ru

Маринина Юлия Анатольевна*

orcid.org/0000-0002-5996-8396
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской
и зарубежной филологии
* *корреспондирующий автор*
marinina_ua@mininuniver.ru

Нижегородский государственный
педагогический университет
имени Козьмы Минина
(Нижний Новгород, Россия)

**“Devil in Love” by J. Cazotte
and “The Elemental Spirit”
by E. T. A. Hoffmann:
Symbolic and Psychological
Interpretation of Motive
of Temptation**

Natalya M. Ichenko

orcid.org/0000-0003-2541-5061
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
and Foreign Philology
ilchenko_nm@mininuniver.ru

Yulia A. Marinina*

orcid.org/0000-0002-5996-8396
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
and Foreign Philology
* *Corresponding author*
marinina_ua@mininuniver.ru

Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Ильченко Н. М., Маринина Ю. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы повесть французского предромантика Ж. Казота «Влюбленный дьявол» и поздняя новелла немецкого романтика Э. Т. А. Гофмана «Стихийный дух», в которой, как в «волшебном зеркале», представлены повторяющиеся фантастические события искушения героев нечистой силой. Актуальность исследования связана с проблемой формирования фантастики как исторического понятия. Показано, что герои испытывают любовное чувство к посланницам мира природы. Столкнувшись с чудом, они становятся участниками сверхъестественных событий и переживают «пагубные последствия пламенного воображения». Отмечается, что мечта о плотской любви, ее телесное воплощение, отрезвление представлены через глубокое проникновение в психологию героев. Описывается, как сверхъестественное вводится в повседневную жизнь с помощью символических образов: зеркала, кинжала, сна, матери и др. Подчеркивается, что мотив искушения в соединении с мотивами испытания, грехопадения, страдания, судьбы создают своеобразный «круг». Новизна исследования связана с выделением в системе персонажей образа искушаемого как непосредственного участника (свидетеля) сверхъестественных событий. Такой подход позволил представить историческую перспективу, осложненную и уточненную, функционирования мотива искушения Ж. Казота в романтическую эпоху в творчестве Э. Т. А. Гофмана и в произведениях русских писателей.

Ключевые слова:

образ; мотив; символ; искушение; фантастика; психика; Казот; Гофман.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the story of the French pre-romanticist J. Cazotte "The Devil in Love" and the late novella of the German romanticist E. T. A. Hoffmann's "Elemental Spirit", in which, as in a "magic mirror", recurring fantastic events of the temptation of heroes by evil spirits are presented. The relevance of the study is related to the problem of the formation of science fiction as a historical concept. It is shown that the characters have a love feeling for the messengers of the natural world. Faced with a miracle, they become participants in supernatural events and experience the "pernicious consequences of fiery imagination." It is noted that the dream of carnal love, its bodily embodiment, sobering up are presented through a deep penetration into the psychology of the characters. It describes how the supernatural is introduced into everyday life with the help of symbolic images: a mirror, a dagger, a dream, a mother, etc. It is emphasized that the motive of temptation in conjunction with the motives of trial, fall, suffering, fate create a kind of "circle". The novelty of the study is connected with the identification in the system of characters of the tempted person image as a direct participant (witness) of supernatural events. This approach made it possible to present a historical perspective, complicated and refined, of J. Cazotte temptation motif functioning in the romantic era in the work of E. T. A. Hoffmann and in the works of Russian writers.

Key words:

image; motive; symbol; temptation; fantastic; psyche; Jacques Cazotte; E. T. A. Hoffmann.

«Влюбленный дьявол» Ж. Казота и «Стихийный дух» Э. Т. А. Гофмана: символическая и психологическая трактовка мотива искушения

© Ильченко Н. М., Маринина Ю. А., 2023

1. Введение = Introduction

Жак Казот (1717—1792) — французский писатель и общественный деятель; его главным произведением справедливо считается «испанская новелла» «Влюбленный дьявол» (*Le diable amoureux*, 1772; 1776), по своей значимости в историко-литературном процессе соперничавшая с «Фаустом» И. В. Гёте. Тема договора с дьяволом получила в причудливом сюжете французского предромантика свое истолкование. Н. Т. Пахсарьян, вслед за Ф. Шуервегеном, подчеркивает, что Казот стал создателем нового варианта «фаустианского мифа», предвестником того психологического отношения к дьявольским соблазнам, которое за ним воплотили Гофман и Метьюрин [Пахсарьян, 2016, с. 32].

Популярности «Влюбленного дьявола» способствовала и трагическая смерть автора, погибшего на гильотине; формирование биографического мифа о нем как монархисте и мистике [Нерваль, 2001, с. 226—280]. Публикация собрания сочинений Ж. Казота в 1816—1817 годах, куда впервые были включены его предсказания 1788 и 1792 годов (споры о подлинности которых ведутся литературоведами и сейчас [Вольперг, 2006, с. 192]), способствовали возрождению интереса к его личности и творчеству [Греч, 1990, с. 51—55].

«Стихийный дух» (*Der Elementargeist*, 1821) — поздняя новелла Э. Т. А. Гофмана (1776—1822). Она не только повторяет многие сюжетные элементы повести Ж. Казота, но и содержит непосредственную отсылку к нему как «волшебному зеркалу, в котором я видел мою собственную участь» [Гофман, 2009, с. 33]. Немецкого романтика так же, как и Ж. Казота, увлекало чудесное и сверхъестественное; при этом они оба достигли высокого уровня проникновения в «бездны» человеческого сознания.

Интерес к фантастическому, к мистическим явлениям в период предромантизма и романтизма связан прежде всего с кризисом рационалистического сознания. Именно это привело Ж. Казота в секту иллюминатов, сделало масоном и поклонником каббалы. Э. Т. А. Гофман, как известно,

увлекался теорией животного магнетизма, психиатрией, медициной, теорией сна. В новелле упоминаются книги, в которых говорится «о вещах, выходящих за пределы нашего горизонта», — «Кардануса, Юстиана Мученика, Лактация, Киприана, Климента Александрийского, Макробия, Трисмегиста, Поллия, Дорнея, Теофраста, Флудда, Вильгельма Постеля, Мирандола», «каббалистов-евреев Иосифа и Филона» [Там же, с. 25]. В конце XVIII века меняется подход к изображению героя: «Интерес к докультурной, дохристианской эпохе позволил назвать героями искусства тех персонажей культурного бессознательного, которые никогда ранее не переступали порог прекрасного» [Бабаева и др., 2021, с. 12].

Мистика находится за гранью человеческого разума, но она вторгается в жизнь героев Ж. Казота и Э. Т. А. Гофмана, и они становятся участниками сверхъестественных приключений. При этом герой «Влюбленного дьявола» сам рассказывает о своих похождениях, а в «Стихийном духе» используется прием рассказ в рассказе, что позволяет увидеть «губительный темный мир» и со стороны. Убедить в существовании необычного в реальном мире помогает способность авторов художественных произведений проникать в глубины чудесного.

Жан-Поль, старший современник Гофмана, в «Приготовительной школе эстетики» (1804) размышляет о таком поэте, который «не разрушает чуда» и не дает разгадки чудесного: «Вообще у внутренних чудес то преимущество, что они живут дольше своей разгадки. Ибо великое несокрушимое чудо — человеческая вера в чудеса» [Жан-Поль, 1981, с. 76—77]. О методе использования чудесного как своеобразной деятельности фантазии говорит Ш. Нодье в статье «О фантастическом в литературе» (1830).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Произведения Ж. Казота и Э. Т. А. Гофмана представлены в исследовательской литературе с позиции изучения особенностей фантастического. С одной стороны, отмечается влияние фаустианского [Пахсарьян, 2016, с. 32; Черепенникова, 2015, с. 77] и квидского [Шульц, 1987, с. 26; Китанина, 2017, с. 177] мифа на сюжеты романа «Влюбленный дьявол» и «Стихийный дух». С другой стороны, в произведениях Казота и Гофмана выделяется переплетение фантастического и реального начала: «Стирая грань между естественным и сверхъестественным, иллюзией и действительностью, Казот делает шаг к новой концепции фантастического: отныне фантастика уже не только художественный прием, теперь фантастическое понимается как особый способ видения мира» [Михайлов, 2012, с. 126].

Воплощением фантастического является стихийный дух, олицетворяющий сверхъестественное начало, реальность же вводится через вклю-

чение в систему персонажей образа искушаемого как непосредственного участника (свидетеля) сверхъестественных событий. Благодаря такому подходу становится возможным определить историческую перспективу событий, уточнить время и место действия. Р. Шульц связывает происхождение сюжета о «влюбленном бесе» с эпохой Просвещения: «В нём описывается борьба двух противоположных сил в душе человека — принципов и страстей. Принципы — удел Бога, а страсти — удел дьявола. Герой романа — человек, за которого, как за Фауста Гёте, в аллегорическом плане ведётся борьба высших сил света и тьмы» [Шульц, 1987, с. 25]. Благодаря изменению подхода к созданию образа героя становится возможным появление этого сюжета.

В данной статье представлено изучение способов создания реалистических и фантастических элементов в произведениях Казота и Гофмана, а также особенностей воплощения мотива искушения в творчестве русских писателей первой половины XIX века.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Особенности изображения исторических и топографических реалий

В повести Ж. Казота и новелле Э. Т. А. Гофмана изображается действительность, особенностью представления которой является историческая достоверность. Главный герой Казота — двадцатипятилетний капитан гвардии неаполитанского короля. География повествования четко обозначается: Неаполь, Венеция с площадью Святого Марка, берега Бренты, путь на родину — в Эстрамадуру. За Неаполем, в окрестностях которого происходят таинственные превращения, закрепилось представление как о таинственном пространстве. В новелле В. Ф. Одоевского «Imbrogljo» (1844) необычные превращения связаны с русским путешественником [Одоевский, 1981, с. 81—105], а призрак примадонны Неаполитанского театра разрушает жизнь русского мечтателя в новелле М. Н. Загоскина «Концерт бесов» (1834) [Загоскин, 1988, с. 333—347]. Подтверждением художественного воплощения образа Венеции как пространства любви и смерти является сцена ревности в повести Ж. Казота, которая чуть не оканчивается гибелью Бьондетты: «Убийцы успели скрыться. При свете факела я увидел Бьондетту, бледную, истекающую кровью, умирающую» [Казот, 1992, с. 33]. Именно тогда Альвар поверил в искренность любви женщины, которую мог потерять.

Способом создания исторической достоверности в новелле Э. Т. А. Гофмана стало указание на точную дату начала действия — 20 ноября 1815 года, когда «Альберт фон Б., подполковник прусской службы, находился на дороге из Лютиха в Аахен» [Гофман, 2009, с. 7], упоминает-

ся «первая кампания 1813 года» и «новая кровавая война» после бегства Наполеона с Эльбы [Гофман, 2009, с. 18]. Р. Сафрански, автор биографии немецкого романтика, полагает, что Гофман намеренно указывает на связь между магнетизмом и магнетизером из новеллы «Магнетизер» с Наполеоном [Сафрански, 2005, с. 236—246]. В «Стихийном духе», как и в новелле «Видение», Наполеон появляется как историческая личность, иронично именуемая «покорителем мира», чьи «надежды были уничтожены» [Гофман, 2009, с. 16]. Однако и здесь ассоциативная связь «коронованного Революцией» властителя, антихриста и О'Маллея, ловко манипулирующего сознанием героя и пытающегося его себе подчинить, просматривается.

Воспроизведение топонимических реалий присутствует и в описании места, где происходит встреча с потусторонним миром. В повести Казота — «развалины Портичи», куда Альвар направляется в сопровождении трех спутников в пятницу; в новелле Гофмана тоже упоминаются «развалины довольно большого здания» в окрестностях Потсдама, но время более определенное — «ночь на осеннее равноденствие» [Там же, с. 29, 27]. Это же время, как самое подходящее для колдовства, выбрала фрау Раурин в новелле «Золотой горшок», чтобы помочь Веронике приворожить Ансельма.

В обоих произведениях атмосфера страха в «проклятых местах» создается с помощью готической атрибутики: *Холодный ветер свистел и выл за стеною, и какой-то страшный шорох и стоны отвечали ему из глубины леса. Встревоженные ночные птицы порхали и кружились вокруг нас, изпод земли слышалось какое-то тихое визжание* [Там же, с. 29]. Разбушевавшаяся буря, страшный голос О'Маллея и, наконец, появление «отвратительного нечто» испугали Виктора, потерявшего сознание. В романе Казота герой сумел «не упасть без чувств при виде этого страшного зрелища и при еще более страшных звуках голоса, раздававшегося в моих ушах», хотя «огромная голова верблюда, страшная и бесформенная, с гигантскими ушами» все же вызывает у дона Альвара трепет [Казот, 1992, с. 8].

Средневековую готическую архитектуру у Ж. Казота и Э. Т. А. Гофмана заменяют развалины, а две другие характеристики, выделенные М. Леви, — «потусторонний мир, особая атмосфера, полная ужаса и тайны» — присутствуют [Levy, 1968, p. 152].

3.2. Особый тип персонажа: проводник в иной мир

Проводниками в иной мир в произведениях Ж. Казота и Э. Т. А. Гофмана являются иностранцы. Соберано — «фламандец родом» [Казот, 1992, с. 4]; О'Маллей — «ирландец по происхождению» [Гофман, 2009, с. 22]. В отличие от искусителя в произведении Ж. Казота, образ которого создается с помощью нескольких деталей (например, курение трубки), а также таких черт, как хладнокровие, спокойствие, равнодушие, Э. Т. А. Гофман дает

подробный портрет: необычная внешность, которая производит странное впечатление; эксцентричные желания, которые дают возможность «сомневаться в нормальности его умственных способностей»; участие в мистификациях, указывающее на его «чудесное», «призрачное существование» [Там же, с. 23, 24]. Виктор фон С. задается вопросом, указывая на близость О'Маллея с героем Ж. Казота: *Не был ли О'Маллей для меня тем самым мистиком-голландцем, Соберано, который соблазнил Альвара с помощью своего искусства?* [Там же, с. 33].

О'Маллей называет книгу Ж. Казота «глупую», поскольку «в ней идет речь о чудовище, выказывающем себя противным и бесхарактерным» [Там же, с. 34]. Взаимоотношения искусствителя с Виктором фон С. более доверительные, поскольку он не может воспринимать молодого человека как врага: *я обязан тебе моей жизнью и даже, может быть, большим* [Там же]. Символическое значение в новелле выполняет пространство леса, куда постоянно влечет Виктора. Лес — «место тайн, опасностей, испытаний и посвящений» [Тресиддер, 1999, с. 193]. Здесь он встречается с О'Маллеем, а потом с саламандрой, с ним связан мотив «проклятого места». Здесь, в лесу, Виктор фон С. признается в своем желании и открывает «тайну» «внутреннего существования» [Гофман, 2009, с. 34].

Соберано и О'Маллей являются обладателями «магической силы», которая заставляет молодых людей вступить в связь с духами. Альвар отказывается готовиться к этой встрече в течение двух лет и говорит, что «умрет от нетерпения» [Казот, 1992, с. 6]. Виктор отказывается ждать год и тоже говорит, что «умрет от тоски и нетерпения» [Гофман, 2009, с. 34]. Так Ж. Казот и Э. Т. А. Гофман показывают важное обстоятельство, связанное с волевыми усилиями героев.

Сила психологического воздействия Соберано и О'Маллея объясняется тем, что им известно таинство животного магнетизма. О них идет молва как о заключивших договор с дьяволом: *майор был в связи с нечистой силой* [Там же, с. 24]. Одним из доказательств этой связи становятся их сходные действия. Соберано вызывает таинственного Кальдерона, чтобы он зажег погасшую трубку. О'Маллея одевают невидимые руки Инкубуса, а из кармана он вынимает восемь бутылок венгерского вина, хотя в нем могла уместиться только одна. После сцены в развалинах появляется двойник О'Маллея, один несет капитана, другой — Виктора фон С.

В каждом из анализируемых произведений большое значение придается ситуации спора. В повести Ж. Казота темой спора стала каббала и каббалисты; большинство из присутствующих полагают, что это «источник всякого рода плутней, годный лишь на то, чтобы обманывать легковверных и забавлять детвору» [Казот, 1992, с. 4]. В новелле Э. Т. А. Гофмана спор начина-

ется с упоминания книги «Экскорпорация» и волшебных заклинаний. Вступив в спор с капитаном, двоюродным братом Виктора фон С., насмешливо отозвавшимся о предмете разговора и отвергшим возможность «сношения с неведомым нам миром духов через посредство человеческой природы», О'Маллей убежденно восклицает: *Для сношения с высшими духовными созданиями необходимо иметь особую психическую организацию, и как поэтический талант, так и подобная организация является даром, которым награждает мировой дух своих избранников* [Гофман, 2009, с. 26].

Соберано и О'Маллей выделяют среди присутствующих «жертвы», «избранников», «мечтателей», обладающих «психической силой». Альвар признал существование «собственного духа» и выделил «любопытство» как свою «главную страсть», а также подтвердил желание проникнуть «в некую высшую сферу» [Казот, 1992, с. 4,5]. О'Маллей, считавший себя обязанным Виктору, уговаривает его «вырваться» из прежней жизни.

3.3. «Гайные движения души»: любовь к духу природы

Альвар и Виктор фон С., проникая в инопространство с помощью проводников, переживают любовь к стихийным духам: герой Ж. Казота — к сильфиде, герой Э. Т. А. Гофмана — к саламандре. Общая ситуация — желание познать «тайну чувственной любви» — заставляет героев расстаться с прежней жизнью ради этих «дивных созданий» Свою «мистическую мечтательность» Виктор фон С. осознает под влиянием «волшебного рассказа» Ж. Казота: *Мои пульсы бились, пожирающий пламень пробежал по нервам и жилам при чтении сцен любви, полной опасностей и ужаса, которую изобразил поэт в живых красках. Я видел, слышал, чувствовал только очаровательную Биондетту; я переживал сладостные мучения Алвареца ...* [Гофман, 2009, с. 32].

Альвар в сопровождении «фантастического существа» покидает место службы: *Когда мы выехали из города, она сняла шляпу, закрывавшую лицо. Волосы ее были убраны в пурпуровую сетку, из-под которой выбивались одни лишь кончики — они казались жемчужинами среди кораллов. Никаких других украшений на ней не было, и лицо ее сияло своей собственной прелестью. Кожа была удивительно прозрачной. Нежность, кротость, наивность самым непостижимым образом сочетались с лукавым огоньком, сверкавшим в ее взгляде* [Казот, 1992, с. 21]. Ж. Казот использует сказочный мотив клятвы: *Я свяжу себя с тобой нерасторжимыми узами, я сочту своим долгом дать тебе счастье и слепо принесу тебе в жертву все свои чувства и желания* [Там же, с. 34]. Из рассказа Бьондетты Альвар узнает, что она — дух воздуха — приняла «телесную оболочку ради союза с мудрецом» [Там же, с. 36]. Еще один мотив, который восходит к язычеству и используется в «русалочьих сюжетах» — «потеря естественных

прав сильфиды и поддержки ... подруг» взамен «счастья любить и быть любимой» [Там же]. Об искусительнице Альвара говорится как о женщине, сотканной «из росы, земных испарений и солнечных лучей, из сгустившихся остатков радуги» [Там же, с. 37].

Авторы русских «таинственных» повестей используют сходный сюжет. В повести В. Ф. Одоевского «Сильфида» (1836) посланница ирреального мира показана обворожительно прекрасной. Влечение Михаила Платоновича к духу воздуха, появившемуся из розы, можно сравнить с любовью, которую испытывает герой Ж. Казота. Сильфида Одоевского обещает Михаилу Платоновичу «вечное наслаждение» [Одоевский, 1981, с. 123], тогда как героиня Ж. Казота требует, чтобы Альвар «полностью отдался» ей [Казот, 1992, с. 37]. Бьондетта обещает «служить» ему, «подчинить нашей власти духов всех сфер и царство стихий, покинутое мною ради него» [Там же, с. 36, 59].

Мысль о постижении тайны бытия через любовь к духу природы станет очень популярной в романтическую эпоху. Альвар говорит, что в признаниях возлюбленной «слышит голос самой природы» [Там же, с. 45]. Посланницей сил природы является и Цецилия — героиня повести С. Т. Аксакова «Вальтер Эйзенберг. Жизнь в мечте» (1836). Благодаря ей Вальтер «видит эльфов, порхающих по ветвям деревьев, наяд, плывущих по воде», а «на каждом цветочке сидит сильфида и ловит лучи солнечные и росу вечернюю, умывает и разглядывает свой цветочек» [Аксаков, 1980, с. 503].

Книга Ж. Казота произвела сильное впечатление на А. С. Пушкина, который составил план своего произведения, условно названного «Влюбленный бес» (1821—1823) [Шульц, 1987, с. 7].

Виктор фон С., с одной стороны, пугается «повторить страшное приключение Альварца», но, с другой стороны, признает: *Самое сознание этого ужаса заставляло меня дрожать от неопишуемого сладкого до тех пор незнакомого мне чувства* [Гофман, 2009, с. 33].

Связь потустороннего существа с природными стихиями подчеркнута с помощью символики. Появление стихийного духа Виктора связано с ритуальными действиями, в которых участвует огонь: *изображаются угли с голубоватыми языками пламени, длинный острый огненный язык, который с них поднялся; звучит приказ О'Маллея смотреть на огонь, в котором возникают различные образы* [Там же, с. 35—36]. Описание стихийного духа в новелле Гофмана связано с огненной символикой: *лучистое сияние, волшебный блеск, страстное желание, точно молния*; в ее внешности выделяются *рыжие волосы, переходящие в красные, шелковое огненно-красное платье* [Там же, с. 39, 40]. В повести В. Ф. Одоевского «Саламандра» (1841) сходным образом дается описание Эльсы-Саламандры «в огненном

море, и две пламенные струи обильно истекали из ее девственных персей» [Одоевский, 1981, с. 205].

В куклу-терафим превратилось металлическое зеркало, на которое О'Маллей капнул кровь Виктора фон С. Символика зеркала восходит к мифологии отражения, с которой связана его способность уводить в мир теней. «Зеркало воспринимается и как граница между миром видимым и потусторонним, указывая на парадоксы иных возможных миров ... Зеркальная симметрия, переворачивание правого и левого и другие оптические свойства зеркала создали ему в христианском мире репутацию демонического предмета» [Альбедиль, 2007, с. 24].

В «Стихийном духе» Виктор фон С. несколько раз ощущает боль под левой грудью. Во время ритуала О'Маллей вонзил туда ланцет, чтобы добыть кровь. Острую боль герой чувствует, когда в огне появляются разнообразными лики; сильная боль пронзает Виктора, когда он видит свою куколку у графини фон Л., а взгляд куколки он сравнивает с «молнией» [Гофман, 2009, с. 39]. Описывая свое состояние при виде «отвратительного нечто», герой говорит: «адский ужас вонзил в мою грудь кинжал, и я потерял сознание» [Там же, с. 31]. Кинжал (ланцет, нож) — «ритуальный инструмент жертвоприношения», «обычно разрушительный символ» [Тресиддер, 1999, с. 239].

Оба героя, замороженные прекраснейшей телесной оболочкой, почти соглашаются отказаться от блаженства загробной жизни ради обладания природными духами. *«Без тебя нет блаженства. От всякого иного я ... отказываюсь»* [Гофман, 2009, с. 41], — восклицает герой Гофмана; *«Мне достаточно одной тебя, ты одна — желание моего сердца»*, — говорит Альвар [Казот, 1992, с. 59].

От «врага рода человеческого» героев спасает религия. Старый слуга Павел Талькебарт *сказал тихо, как бы творя про себя молитву: «Храни Бога в сердце своем; помни о спасении своей души, и тебе удастся противостоять козням сатаны»* [Гофман, 2009, с. 44]. Кроме того, Виктор фон С. не раз вспоминает предостережения набожного лейтенанта. Альвар же случайно заходит в церковь францисканского монастыря. В главной фигуре памятника он видит поразительное сходство со своей матерью, с которой вступил в мысленный диалог и принял решение: *открыть свою душу матери и еще раз искать спасения в любящем сердце* [Казот, 1992, с. 42]. Выход для Альвара найден в браке, а выбор невесты делает матушка.

Искушения Виктора фон С. не заканчиваются с исчезновением господина *майора Сатаны и мамзель Вельзевул* [Гофман, 2009, с. 45]. Образ саламандры, воплощенный в земной женщине, полковник Виктор фон С. находит в замке, рядом с которым он падает с лошади и получает рану, ударив-

пись головой об острый камень. У баронессы Авроры фон К. то же имя, что и у «таинственной милой» саламандры; странность в ее внешности сразу заметил и друг Виктора: *Ее осанка была так свободна, благородна и внушительна, что Альберт не узнал ее прежней маленькой, упитанной, почти смешной фигуры: ему казалось, что баронесса переродилась совсем в другое существо* [Там же, с. 17]. Взаимоотношения Виктора и баронессы показаны через символический образ нитки, продетой между пальцами полковника во время вязания чулка: *Человек часто позволяет опутывать себя такими петлями, что только смерть способна развязать образованный ими гордиев узел* [Там же, с. 17]. Альберт сравнивает ситуацию, в которой оказался его друг, с сюжетом романа: *Раненого рыцаря приносят в замок; хозяйка замка ухаживает за ним, и рыцарь становится ее обожателем* [Там же, с. 19]. Интересно, что и здесь, как в оценке двойственности внешности баронессы, Альберт дает второе, «поэтическое» истолкование ситуации: *испанский принц, который в одинаковых с тобой условиях попал в замок доньи Менчи, где нашел возлюбленную, о которой не подозревал раньше* [Там же]. Полковник оказался в замкнутом пространстве, удаленном от внешнего мира. Его окружают занятая домашним хозяйством Аврора со связкой ключей, ее муж, все время пропадающий на охоте, сам герой принимает участие в вязании огромного чулка. Однако за этой видимостью простоты скрывается тайна. Перед отъездом Виктор спрашивает Аврору об ирландском майоре и произносит заклинание, от которого баронесса теряет сознание.

Виктор фон С. и Альвар переживают отрезвление. Герою Ж. Казота доктор советует «вручить руку» «обладательнице небесной прелести и талантов», чтобы избежать искушения дьявола [Казот, 1992, с. 66]. Герой Гофмана, познавший двойственность мира, остается холостяком, потому что испытанную им «высшую земную радость», когда «держал в объятьях идеал... упоительных грез», повторить нельзя [Гофман, 2009, с. 47].

3.4. «Мистическое приключение», или «Долгий дурной сон»

Важная роль в структуре произведений отводится снам героев. Стихийный дух является героем во сне. Появление саламандры сопровождается блеском и сиянием; по отношению к ней употребляется слово *таинственное*: «таинственное существо», «таинственная милая», «таинственное очарование» [Там же, с. 40, 39]. Встреча во сне сопровождается звуковыми эффектами: *слушал звуки ее голоса, а не слова; шорох или вздох, мелодичная небесная музыка* [Там же, с. 40, 41]. Однако *соблазнительные грезы* рассеивались, и герой *погрузился в глубокий сон*. Именно эпитет *глубокий* повторяется несколько раз [Там же, с. 40, 42]. Последний сон, когда саламандра изгоняется, называется *тяжелым* [Там же, с. 44]. С описанием саламандры соотносятся жесты — *страстно протянутые руки*.

Этот жест обозначает «направление, путь, которым можно следовать» [Пасквинелли, 2008, с. 37]. По пожатию руки и сверкающим глазам Виктор узнает в баронессе саламандру: *В бессонные ночи моей болезни, которой я подвергался здесь, проснулись все любовные сновидения того тревожного и ужасного периода моей жизни* [Гофман, 2009, с. 45].

Одна из загадок повести Ж. Казота — принадлежность невероятных событий, участником которых стал испанский офицер, реальности или просто сну: *«Неужели я грежу?» — подумал я. — «Неужели это был сон?»* [Казот, 1992, с. 62]. Альвар пытается уснуть в начале путешествия, когда они с Бьондеттой покидают караул: *... я погрузился в дремоту и увидел приятные сны, словно бы созданные для того, чтобы душа моя могла отдохнуть от томивших ее причудливых и пугающих мыслей* [Там же, с. 21]. В вещем сне герой Казота снова переживает свое фантастическое приключение в развалинах Портичи. Его спасает от гибели мать, именно с ее образом связана символика «защиты, преданности» [Тресиддер, 1999, с. 216].

Гофмановский герой размышляет о «двойственности снов из круга явлений окружающего ... чувственного мира» [Гофман, 2009, с. 37]. Поэтому на место *застенчивой саламандры* он *подставлял других девушек*. Из бессвязной, на первый взгляд, болтовни слуги Виктор слышит о *прехорошенькой девушке с саламандровым выражением глаз* и делает неожиданный вывод: *лучше оставаться холостым* [Там же, с. 43]. Сны / видения позволяют понять принцип двойственности мира и сделать свой выбор. Гофман дважды повторяет, что его герой *очнулся от сна, от тяжелого сна* [Там же, с. 16, 19]. В последнем, *странном, полном призраков сне* Виктор вспомнил забытое слово заклинания и покинул замок [Там же, с. 46]. Он сумел выйти из своего *мистического приключения*, решив, что это *дурной сон* [Там же, с. 47]. Альвар тоже склонен считать *ужасный сон обманом чувств* [Казот, 1992, с. 64].

Сновидения, с одной стороны, раскрывают внутренний мир героев Ж. Казота и Э. Т. А. Гофмана, их состояние, психические мотивы их действий, связанные с подавленным подсознанием, с другой стороны, символические образы сна указывают путь возвращения в реальную жизнь.

4. Заключение = Conclusions

Двоемирие — характерная черта «Влюбленного дьявола» и «Стихийного духа». Фантастическое, проникнувшее в реальную жизнь, показано таким образом, что герой — свидетель контакта с необычным — не разгадывает всех загадок. Особенностью фантастики Казота является то, что «мир сверхъестественных явлений и духов выступает как реально существующий. Готическая проза Казота наполнена элементами фанта-

стики и психологизма, представляя собой лучший образец “жанра ужаса”» [Силина, 2011, с. 235].

В психике героев Ж. Казота и Э. Т. А. Гофмана пересекаются физические и духовные начала. Разрушительная сексуальность подтолкнула Альвара и Виктора фон С. к общению с духами природы, заставила изменить нравственным принципам. Ж. Казот и Э. Т. А. Гофман глубоко проникли в психику героев, показали ее «бездны», имморальные движения души.

Облик сверхъестественных персонажей, представителей иного мира, не поддается разгадке. В новелле Гофмана саламандра оказалась в реальном мире. Образ Авроры, соблазненной нечистой силой, не может быть объяснен с точки зрения обычного. Сюжет «Влюбленного дьявола», таким образом, осложнен в «Стихийном духе». Мотив искушения в варианте Ж. Казота и Э. Т. А. Гофмана в соединении с мотивами судьбы, страдания, испытания, прозрения нашел художественное воплощение в творчестве русских писателей XIX века: А. С. Пушкина, К. С. Аксакова, Н. И. Греча, М. Н. Загоскина, В. Ф. Одоевского.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники

1. *Аксаков К. С.* Вальтер Эйзенберг / К. С. Аксаков // Русская романтическая повесть ; Составление, вступит. статья и примечания В. И. Сахарова. — Москва : Советская Россия, 1980. — С. 495—516.
2. *Гофман Э. Т. А.* Стихийный дух / Э. Т. А. Гофман // Собрание сочинений в 8 тт. — Москва : ТЕРРА — Книжный клуб, 2009. — Т. 8. — С. 7—47. — ISBN 978-5-275-02209-4.
3. *Греч Н. И.* Черная женщина / Н. И. Греч // Три старинных романа в 2 книгах ; Сост., подготовка текста, примечания В. Ю. Троицкого. — Москва : Современник, 1990. — Книга II. — С. 6—318. — ISBN 5-270-00470-4.
4. *Загоскин М. Н.* Концерт бесов / М. Н. Загоскин // Сочинения в двух томах. — Москва : Художественная литература, 1988. — Т. 2. — С. 333—347. — ISBN 5-280-00871-0
5. *Казот Ж.* Влюбленный дьявол / Ж. Казот ; Перевод Н. А. Сигал // Влюбленный дьявол. — Смоленск : ИПФ «Смол'ин», 1992. — С. 4—68. — ISBN 5-7880-007-1.
6. *Одоевский В. Ф.* Сочинения в двух томах / В. Ф. Одоевский. — Москва : Художественная литература, 1981. — Т. 2. — 365 с.

Литература

1. *Альбедиль М.* Зеркало / М. Абедиль // Символы. Знаки ; Ред. Группа : Т. Каширина, Т. Евсеева и др. — Москва : Мир энциклопедий Аванта +, 2007. — С. 24—25. — ISBN 978-5-98986-376-1.

2. *Бабаева А. В.* Репрезентации «человеческой исключительности» в культурном потоке Нового времени / А. В. Бабаева, Н. В. Шмелева // Вестник Мининского университета. — 2022. — Т. 10. — № 1. — С. 12.

3. *Вольперт Л.* Тень Кассандры в мифопоэтике переломной эпохи / Л. Вольперт // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X* : «Век нынешний и век минувший» : культурная рефлексия прошедшей эпохи : В 2 ч. — Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. — Ч. 1. — С. 186—202. — ISBN 978-9949-11-519-8.

4. *Жан-Поль.* Приготовительная школа эстетики / Жан-Поль. — Москва : Искусство, 1981. — 448 с. — ISBN 978-5-7390-0346-6.

5. *Китанина Т. А.* Щелкунчик и киндский миф (Статуи, куклы и автоматы в литературе эпохи романтизма) / Т. А. Китанина // Литературный факт. — 2016. — № 8. — С. 176—195. — DOI: 10.22455/2541-8297-2018-8-176-195.

6. *Михайлов А. Н.* Готический роман в культуре предромантизма : фантастика как художественная манифестация кризиса рационалистического сознания / А. Н. Михайлов // Культура. Духовность. Общество. — 2016. — № 25. — С. 121—127.

7. *Нерваль Ж. де.* Жак Казот / Ж. де Нерваль ; Перевод И. Волевич // Мистические фрагменты / Перевод с фр. Сост. Ю.Н. Стефанов. Вступит. Статья и коммент. С. Н. Зенкина. — Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2001. — С. 226—280. — ISBN 5-89059-002-2.

8. *Пасквинелли Б.* Жест и экспрессия / Б. Пасквинелли ; Перевод И. Е. Прусс. — Москва : Омега, 2009. — 368 с. — ISBN 978-5-465-01845-6

9. *Пахсарьян Н. Т.* Творчество Жака Казота в современном освещении / Н. Т. Пахсарьян // Художественное осмысление действительности в зарубежной литературе. — Москва : МГОУ, 2016. — С. 31—40. — ISBN 978-5-7017-2663-3.

10. *Сафрански Р.* Гофман / В. Д. Балакина. — Москва : Молодая гвардия, 2005. — 383 с. — ISBN 5-235-02813-9

11. *Силина Ю. А.* Динамика безбожия во французской литературе XVIII века / Ю. А. Силина // Политическая лингвистика. — 2011. — № 2 (36). — С. 229—237.

12. *Тресиддер Дж.* Словарь символов / Дж. Тресиддер ; Перевод С. Палько. — Москва : ФАИР-ПРЕСС, 1999. — 448 с. — ISBN 5-8183-0049-8.

20. *Черепеникова М. С.* Фаустианская рецепция во всемирном литературном процессе / М. С. Черепеникова // Вопросы филологии. — 2015. — № 2 (50). — С. 75—83.

21. *Шульц Р.* Пушкин и Казот / Р. Шульц. — Washington D.C : Ross Press, 1987. — 221 с.

22. *Levy M.* Le roman “gothique” anglais, 1764—1823 / M. Levy. — Toulouse : Faculté de Lettres de Toulouse, 1968. — 750 p.

*Статья поступила в редакцию 11.04.2023,
одобрена после рецензирования 12.05.2023,
подготовлена к публикации 24.05.2023.*

Material resources

Aksakov, K. S. (1980). Walter Eisenberg. In: *Russian romantic story*. Moscow: Soviet Russia. 495—516. (In Russ.).

Grech, N. I. (1990). Black woman. In: *Three old novels in 2 books, II*. Moscow: Sovremennik. 6—318. ISBN 5-270-00470-4. (In Russ.).

Hoffman, E. T. A. (2009). Spontaneous spirit. In: *Collected works in 8 volumes*, 8. Moscow: TERRA Book Club. 7—47. ISBN 978-5-275-02209-4. (In Russ.).

- Kazot, Zh. (1992). The devil in love. In: *The Devil in love*. Smolensk: IPF “Smol’in”. 4—68. ISBN 5-7880-007-1. (In Russ.).
- Odoevskiy, V. F. (1981). *Essays in two volumes*, 2. V. F. Odoevsky. Moscow: Fiction. 365 p. (In Russ.).
- Zagoskin, M. N. (1988). Concert of demons. In: *Works in two volumes*, 2. Moscow: Fiction. 333—347. ISBN 5-280-00871-0. (In Russ.).

References

- Albedil, M. (2007). Mirror. In: *Symbols. Signs*. Moscow: The World of Avanta + Encyclopedias. 24—25. ISBN 978-5-98986-376-1. (In Russ.).
- Babaeva, A. V., Shmeleva, N. V. (2022). Representations of “human exclusivity” in the cultural stream of Modern Times. *Bulletin of Mininsky University*, 10 (1): S. 12. (In Russ.).
- Cherepennikova, M. S. (2015). Faustian reception in the world literary process. *Questions of philology*, 2 (50): 75—83. (In Russ.).
- Jean-Paul. (1981). *Preparatory School of Aesthetics*. Moscow: Iskusstvo. 448 p. ISBN 978-5-7390-0346-6. (In Russ.).
- Kazot, Zh. (1992). The devil in love. In: *The Devil in love*. Smolensk: IPF “Smol’in”. 4—68. ISBN 5-7880-007-1. (In Russ.).
- Kitanina, T. A. (2016). The Nutcracker and the Knid myth (Statues, dolls and automatons in the literature of the Romantic era). *Literary fact*, 8: 176—195. DOI: 10.22455/2541-8297-2018-8-176-195. (In Russ.).
- Levy, M. (1968). *Le roman “gothique” anglais, 1764—1823*. Toulouse: Faculté de Lettres de Toulouse. 750 p. (In Frenc.).
- Mikhailov, A. N. (2016). The Gothic novel in the culture of pre-Romanticism: fiction as an artistic manifestation of the crisis of rationalistic consciousness. *Culture. Spirituality. Society*, 25: 121—127. (In Russ.).
- Nerval, J. de. (2001). Jacques Cazot. In: *Mystical fragments*. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. 226—280. ISBN 5-89059-002-2. (In Russ.).
- Pakhsaryan, N. T. (2016). The work of Jacques Kazot in modern lighting. In: *Artistic understanding of reality in foreign literature*. Moscow: Moscow State University. 31—40. ISBN 978-5-7017-2663-3. (In Russ.).
- Pasquinelli, B. (2009). *Gesture and expression*. Moscow: Omega. 368 p. ISBN 978-5-465-01845-6. (In Russ.).
- Safransky, R. (2005). *Hoffman*. Moscow: Molodaya gvardiya. 383 p. ISBN 5-235-02813-9. (In Russ.).
- Schultz, R. (1987). *Pushkin and Kazot*. Washington D.C: Ross Press. 221 p. (In Russ.).
- Silina, Yu. A. (2011). Dynamics of godlessness in French literature of the XVIII century. *Political Linguistics*, 2 (36): 229—237. (In Russ.).
- Tresidder, J. (1999). *Dictionary of Symbols*. Moscow: FAIR PRESS. 448 p. ISBN 5-8183-0049-8. (In Russ.).
- Volpert, L. (2006). Cassandra’s shadow in the mythopoetics of the turning epoch. In: *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: “The present century and the past century”*: cultural reflection of the past epoch: In 2 hours, 1. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastu. 186—202. ISBN 978-9949-11-519-8. (In Russ.).

*The article was submitted 11.04.2023;
approved after reviewing 12.05.2023;
accepted for publication 24.05.2023.*